

Мы, оглядываясь, видим лишь руины.

Иосиф Бродский

Можно ли говорить о руине, не думая о том, что именно рушится на наших глазах? Разрушены тысячи жизней, украинские города, русско-украинские отношения, отношение к России на Западе. Разрушен слой либеральной общественности, той, которой адресован этот журнал и эти заметки. Разрушены. Но это еще свежо, болит и в этом смысле живо. Это развалины, и травмы, но это еще не руины.

Определим руину как вещь, суть которой состоит в том, что она потеряла значение. Зиммель говорил о соединении в руине времени прошедшего и нынешнего, то есть того, чего нет, с тем, что есть, – как память и след. Надвигается новая эпоха, она эту память сотрет. Этих руин уже не станет. Будут новые.

**СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ
ЛИРИКА**

Вокруг нас очень много (слишком много) того, чего нет. Мода на твердый знак и ять – где к месту, а где и нет – вползла в политику. Мы наследуем Российской империи и считаем, что у нас есть права на Финляндию, Польшу, Аляску. Эта империя – руина. «Страна, которую мы потеряли», «страна, которой нет» – СССР, – это, безусловно, руина.

В нашем определении не присутствуют слова «разрушенное, разрушившееся, но не до конца», но для многих это – первое значение слова «руина». И Российская империя, и Советский Союз *были разрушены*, как считают большинство наших современников (остальные используют слова «разрушилась», «разрушился»). Многие мечтают, чтобы Украина стала руиной, и полагают, что если часто говорить «Малороссия», то эта руинизация будет казаться уже свершившейся.

Предмет этих заметок – социальные руины. Размерность поменьше, чем целая страна, но такой величины, что утрата социального субъекта или его социальных продуктов имеет значение для истории страны в целом. Удобная единица рассмотрения – социальный класс. Марксистское определение класса опирает на собственность, мы же имеем в виду прежде всего сходство социальных обстоятельств, в которых существуют те, кого мы относим (или кто себя относит) к определенному классу, а также единство норм и ценностей, разделяемых ими.

Разрушение империи Романовых привело к утрате социального класса – русского дворянства. Что нам досталось от этого класса, через сколько рук оно прошло? Особенно интересно инвентаризовать то, что не имеет вещественной формы, то есть не особняки и мебель, картины и фарфор, а нечто из культуры – дворянской субкультуры, если угодно.

Нечто осталось, и мы привязываем это к нашему образу данного класса. Образ есть – класса больше нет. Это руина.

После октября 1917-го началось уничтожение другого класса – российской буржуазии. Кажется, от ее культуры к сегодняшнему дню осталось существенно меньше, чем от дворянской. Что-то связанное с прогрессивными взглядами крупных промышленников, с их благотворительностью. Еще осталось убеждение, что революция 1917-го – это победа рабочих над «буржуями».

Вспомним формулу 1920–1930-х: «уничтожить как класс». Действительно, оба класса – дворянство и буржуазия – были уничтожены как социальные агрегаты. Марксисты считают главным в этом процессе то, что эти классы были лишены собственности и возможности эксплуатировать крестьян и рабочих. Другие историки скажут, что эти классы исчезли в значительной части за счет физического уничтожения дворян, заводчиков, фабрикантов, купцов и за счет их эмиграции из России. Так же были разрушены их социальные связи и поддерживаемая этими связями идентичность. Демонстративный эгалитаризм («у нас все равны»), замена любого звания на «гражданин» были для выживших и продолжавших жить в России представителей обоих классов равны потере своей идентичности. Стоит вдуматься в ходившее тогда выражение «бывшие люди». Его можно прочесть и так: были людьми, а теперь уже не люди. Руина.

На очереди еще один класс – российская буржуазия-2, нэпманы. Век их был недолог, но память они оставили прочную. Правда, помнят всего три вещи: быстрый расцвет легкой промышленности и торговли, «угар нэпа», а потом экспроприацию собственности нэпманов чекистами.

Из важных социальных маркеров, которые сохранились в нашей коллективной памяти, надо назвать два: «частники» и «мешочники». Их никто не зовет «классом». Скорее – «сборище деклассированных элементов», говоря по-тогдашнему. В оба понятия встроена интонация легкого презрения. Между тем городскую Россию от голода спасли именно они, десятками тысяч носившие, перевозившие и продававшие товары при полном параличе государственного снабжения. Показательно, что их «правнуками» оказались «челноки» 1990-х, которые, кажется, совсем не руина – напротив, они возрождаются и сейчас снова берутся за дело, спасая наш потребительский рынок в обход санкций и контрсанкций.

Самая крупная из социальных руин, самый крупный класс – российское крестьянство. Сколько всего, с ним связанного, осталось в памяти, литературе, кинематографе, менталитете – не счесть. Но того крестьянства, которое в основном и образовывало историческую Россию, уже нет совсем: коллективизация, полупринудительная урбанизация, войны... Есть старушки, живущие своим огородом и козой/свиньей, есть горожане, продолжающие что-то выращивать на своих шести сотках. Это сфера тяжелого ручного труда и малых объемов производства. Правда, это их «картоха» спасала города в послевоенную голодуху и в другие кризисные годы. Есть немного фермеров, но «архангельский мужик» как социальный тип не состоялся. И есть разрастающиеся агрохолдинги – высокоиндустриализованные производства, зачастую с привозной рабочей силой. Так что деревня есть – а крестьянства нет. Руина.

Теперь о новой буржуазии – новой, но уже успевшей сгнить. О ней заговорили как о «среднем классе» именно

тогда, когда ее не стало. Пионерами, появившимися после перестройки, в ходе реформ, стали «новые русские» – героическое, дикое племя. Они первыми стали жить по-новому, хотя не знали, как надо жить. Над их малиновыми пиджаками смеялось общество, продолжавшее одеваться в темно-серое и светло-черное. Да, в их среде нравы и вкусы были жесткими, как в бандах. Их *business culture* была самодельной. Ее регуляторами, помимо насилия и угрозы насилием, были водка, баня и секс. Они ушли с исторической сцены, многие – в могилу в свои неполные сорок. В нашей памяти остались «голды» на шее, пиджаки и несколько смешных анекдотов. Затем явились «предприниматели», иногда говорят «бизнесмены», но никогда – «буржуазия». А ведь это, правда, наши буржуа. Причин тому несколько.

Французское слово «буржуа», как и немецкое «бюргер», изначально значило просто «горожанин», по-русски «мещанин». Как самоназвание отрицательного смысла оно не несло. Пушкин не менее трех раз с гордостью называл себя мещанином. Но в той традиции, к которой присоединились российские социал-демократы, а потом советские коммунисты, слово «буржуазный» стало политическим обвинением и ругательством, а у слова «мещанский» появился унижающий смысл, указывающий на «безвкусоность», «дурной вкус» и «пошлость».

Буржуазия, как учили преподаватели «основ марксизма», бывает крупной и мелкой. И крупная хуже мелкой, потому что она эксплуататорский класс. Но в Марксовых текстах иногда можно почувствовать некоторое уважение к крупной буржуазии. Об этом говорит, например, его выражение «капитаны капиталистического производства». Крупная буржуазия – для Маркса враг, но

враг серьезный. С мелкой буржуазией много боролся Ленин. Он ее ненавидел и боялся – ввиду ее живучести. Слово «мелкобуржуазный» в советском политическом обиходе надолго сделалось обвинением. При Сталине мелкобуржуазные взгляды, привычки еще появлялись – их выявляли, за них наказывали.

Русская интеллигенция, родившись на исходе XIX века – частью из дворян, частью из разночинцев, – была ровесницей восходящей русской буржуазии, но не была с ней в родстве. Служилый класс и интеллигенция росли из дворянского, не купеческого корня. Бессребреничество, презрение к деньгам, к поиску выгоды, расчетливости – это черты не купеческие, не буржуазные. Кое-что из этого антибуржуазного пафоса донеслось до гораздо более поздних дней, войдя в этос советской интеллигенции. Внимательно послушайте Окуджаву, Галича, Высоцкого и других бардов-кумиров: там эти ноты презрения к богатству, накопительству, расчету звучат очень сильно.

Советские интеллигенты водились со «спекулянтами», покупали у них то, чего нельзя было «достать», но отношения с ними были, как у пушкинского рыцаря с жидом. Примерно так же они относились к работникам «торговой сети». Все «торгаши», как считалось, были нечисты на руку (работа такая!); туда шли те, для кого деньги были важнее всего. Совсем социально далекими представлялись «цеховики», теневые предприниматели. Но советская интеллигенция обрадовалась, узнав, что бывает «честное предпринимательство», когда открывавшиеся артели по производству каких-то нужных вещей – рам для парников, замков – направляли прибыли, как уверялось, в кассу своей организации. Хорошие предприниматели – и при этом не спекулянты, а порядочные люди.

Называть их «капиталистами», «буржуа» в голову не приходило.

Началось кооперативное движение. Я встречался с кооператорами первой волны, брал у них интервью и был удивлен «социальной близостью» моих собеседников. Интеллигентные люди, не барыги, не торгоши, не спекулянты. Люди с благородной гражданской позицией. Один мой респондент налаживал производство детской обуви: «хорошей, крепкой, недорогой; чтобы любая семья, у которой ребенок в школу идет, могла купить». Этих кооператоров довольно быстро «съели» те, кто начал привозить китайскую дешевку.

Я встречался с предпринимателями следующей волны. Они явно были уже покруче кооператоров. Это были люди какой-то новой, неизвестной мне социальной породы. Крепкие, уверенные и довольные собой – потому, что к своим сорока достигли всего, чего должен добиться, как считается, настоящий мужик. Есть семья, которая всем обеспечена. Есть дом, дача, машина-иномарка. Они говорили: мы, как и «новые русские», имеем то, что хотят иметь все, но не имеют. Но мы так же, как «все», заработали это своими руками, в отличие от «новых русских», которые получили все даром, потому что были в нужном месте в нужное время. У такого предпринимателя свое производство. Там он хозяин, и у него все в порядке. Работники трудятся в хороших условиях, своя столовая, свои врачи, свой транспорт развозит по поселкам. «Я государству говорю: отойди, все сделаю сам». Хозяева жизни.

Я благодарен судьбе за то, что видел этих достойных людей. Людей с таким чувством достоинства я видел еще только раз. Это были не капиталисты, а пролетарии. Это были рабочие Кузбасса, поднявшиеся на забастовку. Когда несколько смен нескольких шахт вышли

на площадь «в грязном», то есть в робах, в которых полагается быть только под землей, администрация этого шахтерского города поняла, что дело серьезное, и просто удрала. Шахтеры взяли власть в свои руки и несколько дней город жил как коммуна. Они между прочим ввели сухой закон и патрулировали улицы. Тоже хозяева жизни. Такой свежести воздуха и такой ясности лиц я больше не видел.

Эти социальные типы исчезали по мере того, как 1990-е заменялись на 2000-е.

И два слова про современную интеллигенцию. О том, что ее нет, Дмитрий Гудков и Борис Дубин заговорили много лет назад. Они чувствовали, куда идет дело. Но до недавнего времени продолжали функционировать институты, где интеллигенция могла если не воспроизводиться, то хотя бы сохраняться – школа, средняя и высшая, наука, искусство. Однако теперь доносящиеся оттуда вести говорят, что больше так не будет. Интеллигенты пока остаются – в России ли или уже нет, – но такого социального феномена больше не будет. Руина.